вицу на месте, на нем же стояше, яко скоры сокол медведя наскочи и медведь к нему возвратись, разверз уста своя, хотя его пожрети. Юноша ж борзо скочи и ухвати его за главу и оторва ему главу и вборзе умре в руку его.

Нетрудно видеть, что Титовский текст сохранил в искаженной и сокращенной передаче первую половину описания охоты на медведей (Девгений убивает беременную медведицу), в то время как Погодинский текст, также сокращая ее, пересказывает вторую половину (убийство медведя-самца). Как показывает сличение текстов, внесение в Титовский список подробностей из более ранней редакции немногочисленно. Однако вместе с Погодинским Титовский список потерял такие слова, как „пардус“, „златокованный“, „кожухи“, „дружина“, „пуди“, которые читаются в выписках Карамзина из Мусин-Пушкинского списка и в Тихонравовском списке и которые не могут не привести на память лексику „Слова о полку Игореве“.

Итак, в основном Титовский список оказывается довольно близким к более поздней редакции, представленной Погодинским списком. Можно думать, что он является одним из ранних звеньев этой русской творческой обработки, еще не утратившим некоторых деталей, имевшихся в более ранних текстах.

С этой точки зрения интересно отметить, что в словаре Титовского списка имеется два архаизма, не известные ни в Погодинском, ни даже в Тихонравовском тексте:

1) т о с к н у т и[1] — быть удрученным („мати наша, не скорби и не тос[к]ни о том...“ — л. 172);

2) д р я з г — лес, роща („и введе их в дальную пустыню, в дрязг...“ — л. 180).

Сохранение архаической лексики вообще делает Титовский список более интересным для историка русского языка, чем Погодинский. В последнем, как показывают приведенные выше сопоставления текстов, в ряде случаев старинный словарь больше подновлен.

Вторым достоинством Титовского списка „Девгениева деяния“ является его бóльшая полнота по сравнению с Погодинским и Тихонравовским.[3] В отличие от Тихонравовского (и в полном соответствии с Погодинским), Титовский список начинается с рассказа о похищении Амиром красавицы-гречанки (в начале, правда, недостает одного листа). Изложение событий до рождения Девгения занимает восемь листов, в основном близко совпадая с редакцией, представленной текстом Погодинского сборника. Но зато сверх него Титовский список дает изложение заключительной части повести (лл. 185—188 об.), содержащей рассказ о по-

[1] Ср: „Вълодимер же князь, тъскноувь немочью тела своего...“. Хлебниковская летопись 6795 г. (И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, СПб., 1912, стлб. 1057).

[2] Ср: „Да ся не гнездить в дрязгах зълодельне“. Григорий Назианзин XI в., л. 298 (И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря..., т. I, СПб., 1893, стлб. 796).

[3] Точно судить о составе мусин-пушкинского текста не представляется возможным, так как нам известны лишь три заголовка, воспроизведенных в 1800 году в первом издании „Слова о полку Игореве“, пересказ и цитаты, приведенные Н. М. Карамзиным в примечании 272 к 7 главе III тома „Истории государства Российского“ (ср.: М. Н. С п е р а н с к и й. Девгениево деяние, стр. 134—136).